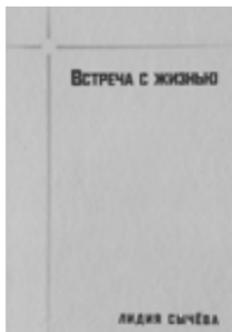




*Павел ЛАВРЁНОВ*

**О РУССКИХ ИМЕНАХ  
В КНИГЕ Л.А. СЫЧЁВОЙ  
«ВСТРЕЧА С ЖИЗНЬЮ»**

В Москве вышла книга Лидии Андреевны Сычёвой «Встреча с жизнью», посвящённая биографии и творчеству поэта Валентина Васильевича Сорокина, нашего современника, классика. Книгочеи хорошо знают, как угадывается каким-то внутренним чутьём значимость и качество книги, когда её даже ещё не взял в руки, а лишь взглянул на обложку, внешний вид, оформление. И как возникает (или не возникает) тяга немедленно открыть, пролистать страницы, в жадной торопливости выхватить фразы, предложения, слова, чтобы убедиться в своём первоначальном впечатлении. Беглый просмотр случайных страниц нового издания в белоснежной обложке укрепил во мнении — это та книга, которую требуется прочитать.



Как и положено произведению такого жанра, биография поэта показана в хронологическом порядке, начиная с детства, с замечательными историческими экскурсами, отступлениями, пояснениями, отчего сразу складывается цельное впечатление не только о предмете разговора — биографии поэта, но и историческом аспекте, повлиявшем на формирование мировоззрения, характера, душевного склада будущего писателя. Небезынтересно узнать, что род Сорокиных относится к древней русской народности мосалей, «переселённых царём из Мосальского княжества на Урал — границы держать». «Где мосали, три года не соли, — так говорится на моём Урале» (Валентин Сорокин «Мосаль»). И что прозвание Сорокины, положившее начало старинному казачьему роду, первоначально произносилось с ударением на последнем слоге Сорокины́, живших впоследствии в уральских заводах, «как в старину называли сёла в дореволюционных энциклопедиях». Эти небольшие, без подробного объяснения штрихи, подкреплённые фотодокументами топографических карт, портретами, ма-

териалами исторических книг создают необходимую атмосферу вхождения читателя в книгу, потому что и далее, до самого конца чтения в памяти будут держаться упомянутые факты, эмоционально окрашивать собой все последующие события жизни, творчества В.В. Сорокина.

Те, кто знаком с предыдущими книгами Лидии Андреевны Сычёвой, без труда распознают и в этой её работе подтянутую, точную манеру письма, умение выстраивать совершенно особую, присущую только этому автору кружевную композицию лёгким пунктирным повествованием, словно бы исподволь создающим сюжетный узор произведения, где выбрано и закреплено главное, без словесных излишеств, чрезмерных эмоций. Способность малыми средствами выразить многое.

В рассказе о детстве, юности поэта, как, впрочем, и в последующих частях книги, также не найти каких-либо эпитетов, оценок, определений прошедшим эпохам, людям. Автор перепоручает, доверяет это читателю, имеющему каждый свой жизненный опыт, знания, переживания. Внешне сухой текст о местах рождения, жизни будущего поэта, включающий в себя цитату из книги В.В. Сорокина и приведённая затем современная фотография фактически исчезнувшего хутора, создают, воистину, эпическое полотно: «Века звенела речка Ивашла (...) И хутор мой, Ивашла, века пахал, сеял, жал, воевать не отказывался за Россию, возвращался, оплакивал сыновей и снова жил, но не выдержал, растворился, исчез». (Валентин Сорокин. «Валет и Акулина», 1990). Подобных Ивашле сёл, заводов, хуторов, деревень было немало на Южном Урале<sup>1</sup>. Глядя на фотографию опустевшего ху-

---

<sup>1</sup> Как-то мой институтский товарищ свозил меня в такое село, где у него был свой дом столетней давности. В этом селе, начиная от его названия, Тирлян, необычным оказалось всё: и размах, и древность, и славная история, и природа, и люди. Прежде всего поразила энергия, будто исходящая из земли, воздуха, неба. Стоял столбом во дворе дома немалое время, словно пригвождённый, физически наслаждался токами, блуждавшими по телу, млея, вверившись неведомым силам, охватившим всё моё существо. Недаром древние римляне верили, нет на земле места без Гения, т. е. духа места. Своих Гениев имели города, местности, воинские части и т. д. Имя и пол Гения иногда скрывались, как, например, хранителя Рима, чтобы его не переманили враги. И каждый мужчина имел это своё божество мужской силы, способностей (лат. genius, от gens «род», gigno «рождать», «производить»). Особенно почитался Гений главы фамилии, рода. Гением главы семьи, Гением Императора Рима давались клятвы, считавшиеся священными, несоблюдение их приравнивалось в последнем случае к оскорблению величия, предусматривавшего наказания от штрафа, ссылки, лишения воды и огня и до предания смерти.

тора Ивашлы, вспоминая полуразрушенное село Тирлян, другие похожие сёла, некогда уютно гнездившиеся в уральском Берендеевом царстве, вполне сознаёшь величие русского прошлого, наделённого могущественными гениями места, фамилий, родов.

Обращает на себя внимание не совсем привычное построение книги, о чём можно примерно сказать так: она составлена в соответствии с визуально-клиповым читательским восприятием нынешнего времени, но с наполнением серьёзной фактурой, строгим, информативно насыщенным текстом, редкими историческими фотографиями. В книге не найти «проходных» мыслей, страниц. Ненавязчиво, нескучно подаются, цитируются стихотворения поэта В.В. Сорокина. Вместо привычной типографской печати приводится копия публикации, то есть фото газетной страницы или другого печатного издания с тем или иным произведением, так что невольно возникает желание вчитаться в него. Причём некоторые вещи читаешь дважды, один раз в виде отрывка, цитаты, второй — по фотографии полностью, как будто повторяешь хороший урок.

Надо сказать, чтение стихотворений поэта доставляет удовольствие во всех отношениях, интеллектуальном и эстетическом. Они разом проливаются в душу, усваиваются свободно, легко. И происходит это настолько естественно, что, желая перепроверить первое впечатление, возвращаешься к началу и, вчитываясь теперь уже в каждое слово, невольно восклицаешь мысленно: «Ну надо же как красиво сказано, просто, точно, невыдуманным языком!» И приводимые Л.А. Сычёвой в книге отзывы читателей, начиная с корифеев советской, российской литературы, литературоведения, позволяют соотнести личное впечатление с официальным или протокольным, часто не находя расхождений во мнениях.

Следует выделить ту часть биографического материала поэта, где говорится о его учёбе и работе на промышленном производстве. «Каких трудов ему стоило оканчивать среднюю школу, работать на заводе и писать великолепные стихи!» Из отечественной литературы, искусства, общественной мысли ушёл интерес к сверхважным процессам взращивания интеллектуального, образовательного, духовного потенциала нации, трижды претерпевшего в XX веке немыслимые испытания: в революцию 1917-го, надорванного Великой Отечественной войной 1941–1945 гг., искалеченного реформами 1990-х, в то время как именно в этот чрезвычайно краткий учебно-производственный период совершается один из самых важных процессов формирования личности человека. Потому-то так точна, честна, интересна поэзия В.В. Сорокина, что он сполна прошёл путь труда над собой, «сделал себя сам», как

сейчас принято говорить. К предоставленным государством возможностям получения образования всегда требовалась и требуется личная воля человека, основанная на самовоспитании, работе над собой, формирующая характер, развивающая унаследованные задатки, по результатам чего и рождается неповторимая личность, или тот самый, «окрепший по дороге» человек, «сделавший себя сам». И, напротив, при отсутствии такого труда личность выходит рыхлой, неоформленной, легко уязвимой, неспособной противостоять жизненным сложностям, даже при наличии врождённых талантов. «Я стоял у огня, плавил кремний и резал...», и, добавим, одновременно учился, и писал стихи.

Среднее образование Валентин Сорокин получил в 26-й школе рабочей молодёжи. «А дообразовывался я в Челябинске. Из ФЗО № 5 — в 1-й прокатный, из 1-го прокатного — в 1-й мартен. Год вечернего техникума и самостоятельных занятий с помощью друзей, педагогов Головиных». (В. Сорокин. «Пылающий аттестат зрелости». 1990).

*«Из цеха я спешил / В аудиторию / И, размышляя, / По дороге креп. / Глотал уроки / Алгебры, истории, / Как в те года / Случайный добрый хлеб. / О смутные / Законы математики — / Когда, опережая / Мой провал, / Седой директор / В командирском ватнике / Мне аттестат / Авансом выдавал.* (В. Сорокин. «Гордость». 1960).

Материалы биографии не замыкаются на одной только фигуре поэта, через его судьбу автор рассказывает о людях, с кем он работал, кому посвятил те или иные произведения, что сразу раздвигает сугубо биографические жанровые рамки, открывается простор страны, ощущается её дыхание. Через микросюжет, штришок на одной странице воссоздаётся огромная картина из истории Южного Урала:

*«Над Челябинском дождь, молодой и струистый...».*

В книге приведён фрагмент карты Челябинска 1967 года, под ним ниже на фото: ряд свежестроенных бараков с пояснением: «2-я Строительная улица<sup>2</sup>». На фото зима (предположительно, декабрь 1940-го), когда ни ЧМЗ, ни Металлургического района ещё не было. ... Бараки выстроены с 1932 по 1935 г., таких зданий насчитывалось 40, простояли они до 1970-х годов». И эта трудная,

---

<sup>2</sup> Ныне улица Комаровского, названная в честь одного из руководителей ГУЛАГа — А.И. Комаровского, под чьим руководством в годы войны строился ЧМЗ.

суровая атмосфера дополняется, наполняется мотивами любви в стихотворении «Любимой» (1960 г.), кратким рассказом о жеманности поэта, штришками биографии молодой жены, потерявшей «родителей и весь “родовой куст”» — посаженных, частично расстрелянных только за то, что «у них была усадьба в Петербурге, семья занималась выращиванием овощей для царской семьи». И такой невероятный жизненный факт: «Крёстная мать его супруги — из рода Пушкиных». Представим себе: «...дождь, молодой и струистый...». Деревенская молодость, унаследовавшая хорошее физическое и душевное здоровье и жаждущая созидания. Дощатые, засыпные бараки с единым, сквозным проходом, небольшими комнатами по обеим сторонам, где живут осуждённые, спецпереселенцы, ссыльные, завербованные, добровольцы. «Гений чистой красоты» невесты. Крёстная мать из рода Пушкиных. Яростная стройка будущих промышленных гигантов, спасших впоследствии народ и страну. — Событийный ряд, составленный из совершенно разных эпох, социальных положений, мировоззрений, культур, не способен в принципе вписаться в человеческом сознании, воображении, в то время как, это — подлинная, непридуманная русская жизнь. Замыкается документальный рассказ стихотворением поэта «Из семейной жизни», точным, ясным, простым, лёгким, дающим представление о взаимоотношениях в молодой семье, непременно сердечных, здоровых и светлых.

Очень неожиданно, но, безусловно, к месту в этот плотный поток труда, созидания, вдруг врезается цитата из стихотворения «Молодость» (1961 г.): *«Нас предадут / Кремлёвские мессии / За тайное стяжательство своё, — / Детей России, / Матерей России, / Сынов её и воинов её!..»*. Цитата проброшена как бы невзначай, сделана затесью на память и, в то же время, помогает глубже понять личность поэта, уже тогда осознававшего возможные результаты забродивших в обществе социально-экономических, духовных процессов. Редкий дар предвидения. Не многие литераторы им наделены.

Порадовал и тронул материал, связанный с Магнитогорском, городом Трудовой доблести, легендарной Магниткой, магнитогорскими писателями, поэтами, внёсшими немалый вклад в культуру Южного Урала. Борис Александрович Ручьёв, «первый поэт Магнитогорска и его первостроитель, репрессированный в 1937 году, реабилитированный в 1956. Лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького, сыгравший большую роль в творческой судьбе Валентина Сорокина». И неожиданное переплетение историй родов двух поэтов: дед Сорокина и отец Ручьёва были

знакомы ещё со времён жизни в курганских казачьих станицах. «Дедушка мой был верующий, а у Ручьёва отец был священником, и они знали друг друга». И дружба, творческое сотрудничество В.В. Сорокина ещё с одним замечательным поэтом Магнитки — Владиленом Ивановичем Машковцевым, также немало сделавшим для культурной жизни города и оставившим в народе исключительно добрую память о себе. Или Николай Павлович Воронов, «прозаик, в 1954–1959 гг. руководивший Магнитогорским литературным объединением, главный редактор альманаха “Уральская новь”». «...Мне дали папку с рукописями, я читаю стихи и вдруг вижу: большой талант! Редкий талант. Спрашиваю у руководителя писательской организации: что это за парень, Валентин Сорокин? А это, говорит, человек, который работает на мартене. ... он носит сталь, чугуны в огненных ковшах на своём кране. А работа эта страшная была, страшная... Я говорю: можно ли его повидать? (...) И вот входит молодой человек. Лицо у него, как у всех металлургов, людей, имеющих дело с огнём, цвета перекалённой меди — с нездоровой краснотой. (...) И я вижу, как у него в бровях блестят порошинки графита...», — напишет в Николай Воронов в «Воспоминаниях».

То, что он именно национальный русский поэт, В.В. Сорокин воспринимает как естественно-природную, врождённую данность. И именно так говорит о себе в одном из писем Владилену Ивановичу Машковцеву: «...в Москве я прошёл первым из русских. Стихи мои вышли в “Правде”, “Сельской молодёжи”, “Красной звезде», “Москов. Комсомольце”, “Лит. газете”, “Огоньке”, “Сов. России” и ещё где-то. Все хвалят меня, но в зале Чайковского не разрешили читать “Ворона”, “Христа” и др. ...». И, затем, в годы работы в московском журнале «Молодая гвардия»: «Если цензура выдирает из отдела критики патриотический материал — я давал подобный материал по отделу очерка и публицистики. А потом я вёл отдел поэзии, и мы с Петелиным обговаривали ситуацию: снимают у него материал о русской жизни — я на эту тему ставлю стихи по своему отделу».

Опираясь на жизненные факты поэта, приведённые в книге, можно ясно видеть, как вся последующая московская жизнь проявила и другие его таланты: организатора производственного процесса в журнальном деле, редактора издательств, а также способствовала более тонкой и аргументированной ковке взглядов на русскую жизнь, мировоззрение в целом. «Без Москвы, без её обострённых противоречий в быту, политике и культуре — поэту трудно уяснить собственный взгляд на время и на призвание.

А призвание — труд, народ, жизнь, тяжкая и необъятная. Призвание — ты и время». (В. Сорокин. «Возвращение в молодость». 2022 г.). В нашей российской действительности немало, к сожалению, примеров, когда подлинно талантливые писатели, поэты, блиставшие у себя на «малой родине», перебравшись в Москву, вдруг терялись в ней, размывались, блёкли, а то и вовсе гибли от известного недуга, не устояв душой в напряжённых ритмах московской жизни, не проявив волю в труде, созидании, чего всегда и прежде всего требует от человека для его признания столица. «Триумф тогда у молодого, красивого, “фактурного” уральского казака, обладавшего прекрасными ораторскими способностями... был у нас в “русских клубах” бешеным». (А. Байгушев. «Могучее восхождение Валентина Сорокина». Газета «Завтра», 24.01.2006).

О качестве неустанного труда В.В. Сорокина в Москве говорит телефонный звонок от маршала Г.К. Жукова, прочитавшего стихи В.В. Сорокина в газете «Правда» и пригласившего его к себе домой, на дачу, чтобы познакомиться лично. Вряд ли маршал Победы, покоривший мир, стал бы звонить незнакомому писателю, не затронь эти стихотворения его русского сердца.

Подлинно славные страницы биографии В.В. Сорокина связаны с его работой в издательстве «Современник», куда он был принят в апреле 1970 года сперва заместителем главного редактора, а чуть позже стал его главным редактором едва ли не курьёзным случаем: «Я обвинил его (Прокушева — В. Л.) в догматизме, в бесконечном ленинизме, в том, что он старый человек и мешает молодым работать. А он недели через две издал приказ и назначил меня главным редактором» (из интервью В. Сорокина Анатолию Белозёрцеву). Причём сам Юрий Львович Прокушев о совместной работе с В.В. Сорокиным пишет так: «Вместе с ним мы не один год сообща боролись за возрождение Сергея Есенина. До сих пор я благодарен Василию Фёдорову за эту чудесную рекомендацию». («Беречь Россию не устану...», 2004.) В этих фактах ценно, бесценно (!) безусловное понимание высших задач, целей строительства русской духовной жизни обоими руководителями издательства, когда всякие иные соображения не только не играют какой-либо роли, но даже не берутся во внимание. Благодаря этому отечественная литература имеет в своём активе изданные «Современником» в 1970-х годах книги Виктора Астафьева, Василия Белова, Юрия Бондарева, Станислава Куняева, Бориса Можяева, Евгения Носова, Валентина Распутина, Николая Рубцова, Владимира Солоухина, Александра Твардовского, Василия Шукшина и ещё целой россыпи звучных имён, составивших золотой фонд русской

литературы. Их перечисление, подкреплённое фотографиями произведений авторов, занимает в книге не одну страницу.

Далее, как свидетельствуют приводимые в книге документы, общественная атмосфера становится всё более напряжённой, но не по линии творчества, а в плане идейном, мировоззренческом. Иногда она выплёскивается неожиданными событиями, хотя повествовательно это выражено чрезвычайно сдержанно. Чего сто́ит, например, такой приведённый в книге отрывок из рассказа поэта: «В молодости я добился приёма у бывшего председателя КГБ Шелепина. Пришёл к нему, стал говорить, что хочу изучить судьбы погибших поэтов. Он на меня посмотрел пристально и сказал: “Зачем это тебе, Валентин? Ты на себя берёшь тяжёлый груз. Это очень затруднит твою жизнь.” И отказал мне». И чуть позже, находясь уже на очередной должностной ступени: «В Главлите, цензуре, Владимир Алексеевич Солодин восклицал: “...два отдела ЦК КПСС снять тебя не могут, а мы циркуляра им не даём и не дадим!...” (...) Если бы не Главлит, измеси́ли бы меня раньше подошвами русских закормленных комхолуев».

Драма травли поэта, развязанная по пустяку М.А. Шолоховым, позорное отнятие жилья в пользу дочери греческого миллиардера Онассиса, Кристины Онассис и её мужа Каузова, решивших обосноваться в Москве и умудрившихся присвоить часть личного, небогатого имущества семьи Сорокиных, изматывающий суд по линии Комиссии партийного контроля и пр., неуклонно перерастает в трагедию страны. Эти частные факты биографии чрезвычайно важны в понимании общих процессов, приведших государство к глобальной катастрофе. Валентин Васильевич Сорокин не был диссидентом, инакомыслящим или выразителем крайних националистических взглядов, участником тайных кружков, кухонных подполий, он — от природы ярко выраженный русский поэт с ясным взглядом на мир, квинтэссенция талантов народа. Трудно сказать, почему власть преследует преимущественно национальных самородков, почему против них ополчается литературная казёнщина и почему они зачастую гибнут первыми. Когда это началось в отечественной истории и когда закончится? Но было и остаётся совершенно непреклонной истиной: подавление русского самосознания, обезличивание культуры, лишение русской нации своего голоса в лице её поэтов, писателей, художников приводит в итоге к гибели самого Царства, а возрождение его, устояние всегда связано с раскрепощением русского духа, опорой на коренное, национальное. Парадокс, но в 91-м году, когда всё-таки грянула катастрофа распада страны, на спасение бросились, прежде всего, те, кто натерпелся от

своей власти, не пожелав мириться с гибелью родного дома, готовы были пожертвовать ради него своей жизнью, хорошо сознавая, — другого дома не будет, да и не нужен другой. В их числе был поэт В.В. Сорокин. Ряд структур той власти и те, кто всегда обслуживал её с немалой для себя выгодой, добивали защитников, не таясь. «В день августовского антисоветского переворота мне пришлось сесть за руль “Нивы” в посёлке Семхоз и мчаться к Юрию Львовичу Прокушеву в Москву, которого собрались ельцинисты арестовать за телеграмму поддержки на имя ГКЧП. За мной ринулась легковая чёрная “Волга” и уже на светофоре, у Рижского вокзала, она разбила меня вдребезги. За её рулём оказался гэбист». (В. Сорокин. «1993»). И такая горькая запись из его дневника: «Группа Евтушенко требует суда над Бондаревым, Распутиным, Прохановым. Палачи. Кровавые крысы в походе — Россия перед ними. Читаю свои дневники, почти всё сбылось, что мучило меня предчувствиями. Родина рухнула в более страшную яму, чем в 1917». Короткое время спустя многие из тех, кто так или иначе участвовал в перевороте, поддерживал его, разбегутся по вторым и третьим своим домам по всему миру, бросят страну и народ на произвол судьбы в нищем, полуразрушенном состоянии. — Говоря словами древних, «издевательство, ещё более гнусное, чем самоё злодеяние».

В целом, приведённые в книге документы, материалы, фотографии дают довольно полное представление о ключевых моментах биографии поэта, его роли в литературной, общественной жизни страны — для тех, кто не застал по возрасту некоторых событий. Послужат хорошим, своевременным напоминанием непреложных фактов, помогут уяснить подоплёку, понять внутренние механизмы *новой и новейшей* российской истории — тем, кому лично довелось это всё пережить. Биография доведена до 2022 года.

Книгу прозаика Л.А. Сычёвой «Встреча с жизнью. Материалы к биографии Валентина Сорокина» настоятельно рекомендую филологам, историкам, журналистам и всем, кто читает русскую поэзию, литературу, историю Отечественной литературы, культуру страны. За книгой пришлось побегать по Москве. В основных, некогда лучших книжных магазинах, её не оказалось. «Была. Продали. Больше не поступала. Нет. В дополнительном заказе не стоит». В издательстве на вопрос, будут ли допечатывать уже разошедшийся тираж, ответили: «Мы за свой счёт не печатаем». На почётных местах громоздятся горы околосовременного хлама. Важной книги замечательного автора не найти.